

Выздоровление.

Теперь, когда я уже не мог целые дни проводить с Миа, купаясь в ее заботе, слепота стала... доставлять неудобства. Проще говоря — было невыносимо скучно. В борьбе со скукой, первым делом я, покопавшись в памяти Уизли, чтобы выяснить, какого рода диагноз привел мадам Помфри в столь веселое настроение. Все оказалось очень просто. Судя по всему, рыжик попытался произнести заклятье "Энгоргио". Вообще говоря, шансы на то, что ему удадутся чары третьего курса — были где-то около нуля... Но вмешался Господин перемен, и чары сработали, а крик новорожденного дракона — привел к тому, что сорвавшееся заклинание изменило цель, увеличив... Ну скажем так — увеличив то, что особенно мешает некоторым танцорам. И, конечно, хихикала мадам Помфри отнюдь не из-за диагноза. Похоже, с последствиями заклинания она справилась за несколько секунд, и была уже готова объявить, что Рон может вернуться в гостиную, когда ей принесли какую-то записку. Судя по тому, что рыжик остался в лазарете — записка была от кого-то обладающего властью (читай — Дамблдора), с соответствующим предписанием. Быстро же директор среагировал. Даже если допустить, что система оповещения позволила ему узнать о случившемся практически сразу же, как произошел инцидент, а студенты некоторое время посовещались, стоит ли тащить Рона в Больничное крыло, или оставить как есть — все равно у Дамблдора было не более пары минут, чтобы в общих чертах изобрести интригу, и сделать свой ход. А вот то, что мадам Помфри все это просчитала практически мгновенно — наводит на мысли... В книге она была одним из самых незаметных, почти технических персонажей, только вот, похоже, это — сознательная позиция. Так сказать, невмешательство. Хм... это надо будет обдумать.

Следующим развлечением было продолжение подготовки "страшной мсти". К счастью, все мысли, которые я хотел вложить в эту рыжую голову — там уже присутствовали, оставалось их только чуть-чуть усилить. Так, и уверенность в том, что ни в коем случае нельзя верить ни одному слову "этого дешевого выпендрейника, мечтающего только о славе", и желание "искать славы для себя, а не для этого придурка, которому и так слишком благоволил директор" — светились в его сознании на фоне всего остального как мощный прожектор на фоне сороковаттных лампочек. Оставалось только добавить идею о том, что великие дела — обязательно требуют наличия восхищенных свидетелей. А то кто бы запомнил поход греков на Трои (в сущности — весьма заурядное событие для тех времен), если бы рядом не было Гомера? (О том, что Гомер жил, скажем так мягко, несколько позже событий о которых он рассказывал — рыжий даже не подумал, а я — не подсказывал).

Ну и, конечно, главным, что позволяло мне относительно безболезненно пережить этот период, были регулярные визиты Миа. Уж не знаю, что ее вело: чувства ко мне, или любовь к учебе (подозреваю, что гремучая смесь первого и второго, о пропорциях которой предпочитаю не задумываться, впрочем, ревновать к знаниям все равно не собираюсь), но она появлялась в лазарете сразу после окончания занятий, и уходила, только когда ее выгоняли. Впрочем, тут я очень благодарен мадам Помфри. Хоть она и вспоминала о каких-то важных делах, требующих ее неотложного присутствия в своей комнате, примыкающей к Больничному крылу, каждый раз, когда Миа появлялась в лазарете, но на обед, ужин и отбой колдомедик выпроваживала девочку весьма жестко. А то, боюсь, мне не хватило бы твердости, и Миа довела бы себя до истощения.

Так что, наше быстро устоявшееся расписание выглядело так: появляющаяся после окончания уроков Гермiona рассказывала нам с Роном о том, что сегодня было на занятиях. Это было довольно интересно само по себе, а дополнительным бонусом была возможность любоваться волнами отвращения и скуки, исходящими от соседа по палате. Потом появлялась мадам Помфри и, к вящему облегчению рыжика, отправляла девочку на обед. После обеда Миа присаживалась прямо на мою кровать, и довольно долгое время мы молчали, взявшись за руки.

При этом отрабатывающая ментальную магию девочка, хоть и искоса, но почти не отрываясь смотрела на Уизли. Рон, из самодовольства не замечавший наше "рукопожатие", считал ее взгляды результатом действия приворотного заклинания.

Каюсь, но я совершил небольшую подлость: на одном из первых уроков выдал девочке задание добыть из головы Рона, как он на самом деле к ней относится. После того как у Миа это получилось, по нашей связи прозвучало ТАКОЕ... Воспитанные двенадцатилетние девочки таких слов и знать-то не должны, не говоря о том, чтобы их употреблять. Когда же я поинтересовался источником столь занимательных знаний, Миа призналась, что точно повторила фразу, сказанную портовым грузчиком в Дувре, откуда они с родителями отплывали во Францию, когда тот уронил себе на ногу ящик с консервами.

Как правило, эти напряженные занятия продолжались до ужина. Пока Миа ужинала, я аккуратно подчищал оставленные ей по неопытности следы (благо, в таком деле помощь оракула — просто неоценима). А когда девочка снова возвращалась — мы просто болтали о чем попало.

Но, несмотря на все это, полдня до появления Миа проходили... тяжеловато. И известие о том, что скоро мне будет можно снимать повязку — я встретил с нескрываемой радостью.

Конечно, столь серьезное событие, как первое снятие повязки не могло происходить днем. Только поздно вечером, перед самым отбоем мадам Помфри разрешила убрать столь надоевшую преграду, но перед сном — вернула ее на место. Так продолжалось несколько дней, причем каждый раз повязку снимали все раньше. И вот — состоялся счастливый момент, и я, после почти двух недель слепоты вновь увидел солнечный свет.

Как ни удивительно, загадочное лечение Рона от некоего так и не названного заболевания завершилось полным успехом к тому же сроку. Так что Больничное крыло мы покинули вместе.

<http://tl.rulate.ru/book/69513/1849553>